О Т З Ы В

на автореферат диссертации «Антропологический состав населения новосибирского Приобья раннего железного века (по краниологическим и одонтологическим данным)», представленной М.С. Кишкурно на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3 – «Археология (исторические науки)»

Диссертационное исследование М.С. Кишкурно посвящено антропологическому анализу населения большереченской культуры эпохи раннего железа методами двух высокоинформативных систем – краниометрии (218 индивидов) и одонтоскопии (326 индивидов). Основной материал происходит из 12 могильников новосибирского Приобья, сравнительный – с территорий Сибири, Южного Приуралья, Нижнего Поволжья, Казахстана и Киргизии. Измерения и частоты признаков обработаны с помощью современных методов многомерной статистики.

Анализ краниометрических данных приводит автора к выводу, что большереченцы вели происхождение от людей ирменской культуры эпохи поздней бронзы. Их своеобразие по сравнению с предполагаемыми предками состояло в некотором ослаблении андроновских черт и, соответственно, увеличении доли доандроновского субстрата. Отмечены связи с каменскими, саргатскими, а для женских групп – также с пазырыкскими и сакскими популяциями.

Последнее противоречит данным одонтологического анализа. Здесь заметнее проявляется своеобразие большереченцев на фоне синхронных групп иных регионов. Фиксируются слабые связи с тагарскими и кулайскими группами, но никаких – с пазырыкскими, сакскими или сарматскими. Одонтология, по сравнению с краниометрией, отчетливее выявляет окуневские корни изученной группы.

Расхождение между результатами анализа разных систем антропологических признаков – не исключение, а правило. Так как желательно было все-таки получить однозначный результат, автор предпринял попытку объединить данные обеих систем. Способ, с помощью которого можно это сделать без нарушения основных статистических принципов (в частности, без объединения размеров с частотами) был нами предложен еще в 1999 г. Хорошо, что сейчас, пусть и четверть века спустя, он взят на вооружение нашими коллегами.

В итоге интеграции обнаружилось, что главным антропологическим компонентом в сложении большереченской общности был автохтонный сибирский – доевропеоидный и домонголоидный. При этом часть большереченцев обнаружила тяготение к представителям южной евразийской антропологической формации (по Т.А. Чикишевой) – окуневцам, а другая часть к представителям северной евразийской формации – автохтонным группам Барабинской лесостепи эпох неолита и бронзы. Автор справедливо присоединяется к выводу о недифференцированности этих формаций и отмечает, что даже на уровне индивидуальной типологии черепá европеоидного и монголоидного облика единичны.

Интегративный анализ помогает точнее оценить связи большереченцев с их западными соседями (саргатцами Тоболо-Иртышья) и южными – носителями каменской культуры лесостепного Алтая. Большереченцы больше сходны с первыми, чем со вторыми. Отличие от каменцев проявляется в почти полном отсутствии у большереченской группы западных – сакских, савроматских и сарматских параллелей. Вернее, некоторые сакские связи прослеживаются у большереченских женщин – но, скорее всего, не в результате прямых контактов, а опосредованно, через более южные группы.

Эти выводы усиливают точку зрения, согласно которой, кочевники, проникнув в верхнее Приобье из казахстанских степей и частично смешавшись с носителями каменской культуры, не продвинулись вниз по Оби севернее алтайской лесостепи. И, хотя реальность каменской культуры служит сейчас предметом бурных дискуссий, как и

представление о значительной роли кочевого компонента в ее генезисе, работа М.С. Кишкурно заметно склоняет чашу весов в пользу данной гипотезы, что важно для реконструкции древней истории верхнего Приобья и Южной Сибири в целом.

Следует подчеркнуть, что использование диссертанткой терминологии, основанной на признании двух самостоятельных культур со своими ареалами – большереченской и каменской – никак не повлияло на выводы работы. Анализ был проведен исключительно на базе антропологических материалов, и лишь в финале исследования выяснилось, что полученные результаты согласуются с одной из археологических версий. Даже если бы М.С. Кишкурно вовсе отказалась от фигурирующих в археологической литературе культурных дефиниций, это, правда, несколько затруднило бы ее положение, но по существу бы ничего не изменило, просто те же самые выводы были бы сформулированы в иных терминах.

Жаль, что в автореферате не нашлось места для итогового, очень эффектного интегративного графика, выявляющего четкую картину дифференциации групп.

Автореферат М.С. Кишкурно свидетельствут о том, что диссертация написана на высоком методическом уровне, четко структурирована и, судя по всему, прекрасно оформлена. Она соответствует коду специальности 5.6.3. – Археология (Исторические науки). Статистический анализ безупречен, что обеспечило высокую степень достоверности выводов, которые представят интерес не только для антропологов, но и для представителей целого ряда смежных наук.

По теме работы соискательницей опубликовано 10 работ, в том числе четыре в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ. Общий объем публикаций – 8,7 а.л. (авторский вклад – 5,5 а.л.).

На мой взгляд, М.С. Кишкурно вполне достойна искомой степени кандидата исторических наук.

Главный научный сотрудник МАЭ РАН,
доктор исторических наук

Козинцев Александр Григорьевич
Специальность 03.03.02 – Антропология (исторические науки)
Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3.
Санкт-Петербург, 199034
alexanderkozintsev@yandex.ru

Подпись руки Козинцев А.Г.

Заверяю 21 АВГ 2023

Зав. канцелярией Смуренкова